

Глава четырнадцатая

Как правило, чем никчёмнее человек, тем больше в нём непомерных амбиций. Братья Юань были тому ярчайшим примером, а младший, Юань Шу, и вовсе считался воплощением этого правила.

Неизвестно, какое помрачение рассудка на него нашло, но в последнее время он только и делал, что грезил наяву о восхождении на императорский престол в Хуайнани.

Когда Люй Бу получил от него письмо, доставленное гонцом, он не знал, злиться ему или смеяться. Не говоря ни слова, он приказал взять посланника под стражу, а само послание немедленно переправил в уезд Сюй, прямо в руки Цао Цао. Узнав об этом, Юань Шу, даже не задумываясь, по силам ли ему тягаться с таким противником, в порыве ярости повёл войска в атаку. Результат был предсказуем: в конце концов тот, поджав хвост, позорно бежал обратно в свои владения.

В то время, когда письмо Люй Бу достигло цели, Цао Цао находился в уезде Сюй, восстанавливая силы и планируя дальнейшие шаги. Скользя взглядом по строчкам, он вернулся к изучению карты. Стоявший рядом Го Цзя взял письмо, пробежал его глазами и саркастично усмехнулся:

— Ха! Этот глупец окончательно лишился рассудка. В такое время открыто заявить о намерениях, за которые любой сочтёт своим долгом его казнить... Ему что, жизнь не мила? Вэньжо, Вэньжо, посмотри только — неужели на свете бывают столь туголобые люди?

С этими словами Го Цзя сунул письмо в руки Сюнь Юю, ожидая его реакции.

Содержание письма ничуть не удивило Сюнь Юя. Он лишь спокойно заметил:

— Судя по прежним поступкам его старшего брата, можно было догадаться, что и младший недалеко ушёл. Но я не ожидал, что он докатится до такого абсурда.

Цао Цао, доселе хранивший молчание, поднял взгляд на перешёптывающуюся парочку и сухо кашлянул:

— Вы двое, о чём там шушукаетесь? Я слушаю вас уже добрую четверть часа, но так и не услышал ничего дельного.

Со смешком отбросив письмо в сторону, Го Цзя протянул:

— Господин ведь уже всё для себя решил, куда уж нам тут умничать.

Сюнь Юй слегка потянул Го Цзя за рукав и прошептал:

— Будь посерьёзнее.

Глядя на двух своих советников — столь разных по характеру, но удивительно гармонично дополняющих друг друга, — Цао Цао громко рассмеялся:

— Не беда, Фэнсяо прав. Вэньжо, скажи, что ты об этом думаешь?

— Сейчас Юань Шао уже захватил четыре провинции: Цзичжоу, Ючжоу, Цинчжоу и Бинчжоу. Противостояние с ним потребует времени. Раз уж Юань Шу сам не находит себе места от нетерпения, нам стоит навестить его.

Повернувшись к Го Цзя и увидев, что тот снова ухмыляется, как лис, Сюнь Юй внезапно почувствовал неладное. Он быстро перевёл взгляд обратно на Цао Цао:

— Что скажет Господин Цао?

— Именно так я и планировал. Немедленно отдавайте приказ: начать подготовку к восточному походу.

На этот раз Сюнь Юй усвоил урок. Покинув поместье Цао, он сразу же распрощался с Го Цзя и, словно стрела, запрыгнул в повозку, направившись к военным лагерям. Го Цзя замер на месте, глядя вслед окутанному пылью экипажу, и невольно задумался: «Неужели в прошлый раз я его слишком сильно напоил? Почему в последние дни Господин Сюнь Лин при виде меня бежит, как мышь от кота?» Впрочем, зная его нрав, подобные размышления не могли длиться долго — по крайней мере, они точно не помешали ему отправиться в ближайшую таверну.

Время пролетело незаметно, и вот наступил сентябрь — пора глубокой осени. Юань Шу вторгся в Чэньчжоу. По приказу Цао Цао армия выступила в восточный поход. Похоже, тот совершенно не ожидал, что Цао Цао решит заняться им всерьёз. Едва прослышав о приближении вражеских войск, он мгновенно растерял весь свой гонор. Оставив четверых военачальников — Цяо Жую, Ли Фэна, Лян Гана и Лэ Цю — удерживать позиции, он сам во весь опор бросился прочь от армии и бежал за реку Хуайшуй.

Спустя всего несколько дней после прибытия в Чэньчжоу армия Цао взяла город. Четверых брошенных на произвол судьбы командиров казнили без всякого сожаления. Но пока солдаты ликовали, празднуя победу, на душе у Цао Цао было неспокойно. В его сердце всё ещё кровоточила рана от весенней потери сына и верного генерала. Обиду на Чжан Сю он проглотить не мог. Поход против Юань Шу был лишь эпизодом, позволившим немного укрепить силы. Настоящей целью этого года оставалась месть Чжан Сю.

На следующий день после захвата Чэньчжоу Цао Цао повернул войска обратно в уезд Сюй. К

тому времени уже наступила зима, и всё живое вокруг увядало.

Цао Цао сидел в комнате, где ярко полыхали угли в жаровне. Он задумчиво постукивал пальцами по столу, взгляд его был мрачен и сложен. Сюнь Юй и Чэн Юй сидели рядом, сохраняя суровую сосредоточенность. Лишь Го Цзя, как обычно, выглядел небрежным, словно происходящее его мало касалось. Спустя долгое время Цао Цао заговорил:

— С тех пор как я потерпел поражение на реке Юйшуй, бежал в Уйинь и в конце концов вернулся сюда, уезды Наньян и Чжанлин снова переметнулись к Чжан Сю. Я посылал Цзыляня в атаку, но он не смог добиться успеха и был вынужден встать лагерем в уезде Е. Этот Чжан Сю слишком обнаглел. Сговорившись с Лю Бяо, он совершает набеги один за другим, но в открытый бой не вступает.словно бродячий пес: чуть зазеваешься — прибежит и укусит. Невыносимо! Пока я не вымещу эту злобу, мне не видать покоя!

Сюнь Юй и Чэн Юй, прекрасно понимавшие, какая вражда разделяет их господина и Чжан Сю, синхронно нахмурились. Через мгновение Чэн Юй ответил:

— Но теперь, когда ему помогает Лю Бяо, план похода на Чжан Сю, боюсь, придётся отложить. Если всё повторится, как в прошлый раз...

Цао Цао решительно взмахнул рукой:

— Исключено! После того поражения я поклялся: я больше не проиграю.

Услышав это, Го Цзя, который до этого казался безучастным, внезапно расхохотался:

— Господин — истинный герой! Гадаю, что из этого похода вы вернётесь с великой победой.

Эти слова поразили всех троих. Даже Сюнь Юй, чьи мысли обычно текли в унисон с идеями Го Цзя, на мгновение не смог уловить сути его слов.

Чэн Юй сухо усмехнулся:

— Юношеская самонадеянность. Дела войны — вещь серьёзная, как можно знать исход заранее? На чём основана твоя уверенность?

— Исход битвы нельзя предсказать наверняка, но, как говорил Сунь-цзы: «Кто ещё до сражения в храме предков насчитывает победу, у того шансов много». Господин планировал этот поход долго и тщательно. К тому же нынешнее положение Чжан Сю далеко не так радужно, как кажется на первый взгляд. Раз у нашей армии есть детальный план и все условия для триумфа, чего нам бояться?

Го Цзя говорил с абсолютной уверенностью, а в его глазах горел тот самый дерзкий огонь, что присущ лишь одарённой юности.

Чэн Юй был уже стар и в быстроте принятия решений явно уступал двум молодым талантам. Стоило Го Цзя замолчать, как Сюнь Юй перестал хмуриться и понимающе улыбнулся другу. Но Чэн Юй всё ещё был полон сомнений:

— С чего ты взял, что положение Чжан Сю не так радужно?

Подперев рукой подбородок, Го Цзя склонил голову набок:

— Господин ведь только что сам об этом сказал.

Зная, что Го Цзя не станет утруждать себя подробными объяснениями, Сюнь Юй поспешил вмешаться, чтобы не уязвить гордость старого коллеги:

— Только что Господин Цао упомянул, что войска Чжан Сю постоянно нападают на наш лагерь в уезде Е, но избегают прямого столкновения. Это значит, что даже при поддержке Лю Бяо его сил недостаточно, чтобы противостоять нашей армии в открытом поле. Более того, Лю Бяо — человек ненадёжный. Скорее всего, этот союз — лишь видимость, и они уже давно подозревают друг друга. Именно поэтому Фэнсяо так уверен в нашей победе.

Хотя в душе Чэн Юя ещё оставалась капля недовольства, он не мог не признать поразительную проицательность Го Цзя. Он кивнул и замолчал.

Цао Цао, с удовольствием наблюдавший за спором трёх своих лучших людей, провозгласил:

— Хорошо. Чжундэ, Фэнсяо, идите и передайте приказ войскам. Вэньжо, ты останься.

— Слушаюсь.

Вскоре в комнате остались лишь Цао Цао и Сюнь Юй. Угли в печи рдели алым, создавая атмосферу, которая казалась странно чуждой текущему моменту. Сюнь Юй никогда не был нетерпелив; тишина и ожидание не пугали его. Он продолжал спокойно сидеть, ожидая, когда заговорит господин.

Глядя на его кроткий вид и опущенные веки, Цао Цао вздохнул:

— Вэньжо, как долго ты уже со мной?

Немного подумав, Сюнь Юй тихо ответил:

— Шесть лет.

— Да, шесть лет... Тебе тогда и тридцати не было. И вот — промелькнуло шесть лет...

Сюнь Юй не понимал, зачем Цао Цао оставил его, но в душе начало зарождаться беспокойство. Ему казалось, что истинные слова господина ещё впереди. Эти речи, полные ностальгии, почему-то давили на него. Он почувствовал, как под широкими рукавами ладони увлажнились от холодного пота.

Цао Цао встал и, заложив руки за спину, повернулся к Сюнь Юю спиной:

— Шесть лет прошло, а я всё так же окружён врагами. На востоке — Люй Бу, на юге — Юань Шу, на западе — Чжан Сю, на севере — Юань Шао... О мелких сошках я и вовсе молчу!

Теперь Сюнь Юй окончательно понял: в преддверии великой битвы с Чжан Сю Цао Цао вспомнил о трагедии в Ваньчэне. Ещё в январе, после поражения, он вёл себя странно, но тогда Сюнь Юй не придавал этому значения, ограничившись словами утешения. Теперь же стало ясно: старая рана вскрылась с новой силой.

Собравшись с мыслями, Сюнь Юй поднялся и подошёл к Цао Цао. Его голос, спокойный и текучий, словно вода, зазвучал в тишине:

— Господин Цао, вы ошибаетесь. Внешне кажется, что за шесть лет ничего не изменилось, но на деле всё иначе. Лишние слова будут напрасны. Я лишь скажу одно: истинный герой, даже пребывая в слабости, со временем обретёт великую мощь. Тот же, кто лишён истинной силы духа, рано или поздно падёт, как бы ни был он велик сегодня.

— Вот как? — Цао Цао бросил на Сюнь Юя странный взгляд, вернулся к столу и привычно застучал пальцами по дереву. — Тогда скажи мне... когда придёт день триумфа, неужели все, кто мне дорог, уйдут один за другим, как Цзысю и Э-лай? М-м?

Это был первый раз, когда в частной беседе с Сюнь Юем Цао Цао назвал себя титулом «Мы», подчеркивая дистанцию правителя. Сюнь Юй, обладавший исключительным умом, мгновенно почувствовал недоброе. Он медленно и торжественно опустился на колени, не проронив ни слова.

— Ваньчэн, — глухо произнёс Цао Цао, впери в советника острый взгляд. — Тогда, в Ваньчэне... ты ведь всё предвидел, не так ли?

Сюнь Юй не поднимал головы, оставаясь бесстрастным:

— Да. Предвидел.

— Значит, даже в той смертельной ловушке ты сумел спастись не только благодаря братьям Сяхоу?

В этих словах сквозило неприкрытое подозрение. Сюнь Юй молчал, не зная, как оправдаться. Он действительно предчувствовал беду той ночью и даже велел Сюнь Ю отговорить господина. Но он, самый близкий и доверенный советник, не встал на пути Цао Цао грудью, не проявил решимости. Почему? Если он скажет правду — что хотел уроком Чжан Сю отрезвить ослеплённого успехом господина, но не ожидал гибели его первенца и верного стража, — кто ему поверит? Сюнь Юй понимал, какую боль причинил Цао Цао, и в глубине души корил себя, но не мог заставить себя раскаяться в том решении. Однако сейчас любые слова лишь разожгли бы гнев господина.

Иногда тишина — единственный щит.

— Мой Цзысю... — голос Цао Цао дрогнул. — Мой Цзысю погиб! Умер! — он в ярости смахнул со стола стопку бамбуковых свитков. — Господин Сюнь Лин, Шичжун Сюнь... Неужели за шесть лет я так и не научился понимать тебя? А?!

Последний вопрос прозвучал почти как стон.

Один из летящих свитков больно ударил Сюнь Юя по лбу. Он даже не шелохнулся. Медленно закрыв глаза, он позволил крови струиться из раны, стекать по веку и щеке, оставляя след, похожий на кровавую слезу.

Прошло много времени. На полу перед Сюнь Юем уже натекла небольшая лужица, когда он снова открыл свои глубокие, полные покорности глаза. Он слегка приподнял лицо, глядя на Цао Цао, и произнёс — тихо, словно плача кровью:

— Потому что Сикун Цао мне больше не верит.

Луна скрылась, и в ночной тишине раздался хриплый крик ворона.

<http://bllate.org/book/17368/1694780>